

40 лет назад
в сезоне
1954—1955 годов

**Юлия Борисова
стала известна
всей Москве**

Как это ни парадоксально, играть любовь могут немногие актрисы, хотя, казалось бы, актриса, да еще «молодая героиня» — вспомним старинное театральное ампула, — а именно такой в свете рампы перед очами зрительного зала предстала молодая Юлия Борисова, другой задачи и не имеет. Тут главное ее предназначение. И тем не менее, тем не менее... Участвовать в запутанных интригах, в острой фабуле, быть красивой и замечательно выглядеть, улыбаться, соблазнять, даже обнажаться — теперь это модно — еще не значит играть любовь! Даже искренне страдать, убедительно переживать, короче, быть мастером — тоже недостаточно. Будет успех, но не возникнет в душе зрителя пожизненный, неуловимый, непроницаемый образ любви, недостижимой в его, зрителя, жизни, навеянный актрисой образ недоступности, постоянно отдалющийся от нас, как отдалется горизонт.

Однажды нынешним жарким летом встретил ее в переулке недалеко от Тверской. Был поздний июльский вечер, стояли белые ночи — в Москве ведь тоже бывают белые ночи! Она медленно шла впереди меня, высокая, с юношески прямой спиной. На ней была светлая кофточка в мелкий горошек, красные брюки и красные туфли на высоком каблуке. Шла, углубившись в себя, казалось, наслаждалась одиночеством. А вместе с нею, вокруг нее двигалась незримая зона недоступности.

О чем она думала июльской ночью 94-го, года сорокалетия ее блистательной артистической карьеры? Считает ли она ее счастливой или вечное сомнение, столь свойственное художникам, гложет и ее?..

И все эти сорок лет я, ее зритель, прошел с ее женщинами, разными, непохожими, но обладающими неким единым свойством, неким лейтмотивом, сообщенным им этим человеком, этой женщиной, этой актрисой. Последняя по времени из этих женщин — Кручинина в лучшем спектакле сезона «Без вины виноватые». Театральная Москва заговорила о новой Борисовой. Поразительно, как ее героиня, известная актри-

са, явившись, словно комета в провинциальный рутинный театр, преобразила местное общество, подняла все неиспорченное в нем до своего уровня, оставшись при этом на высоте своего призвания. А сцена встречи с некогда обманувшим ее человеком, право же, стоила сцены Татьяны и Онегина на петербургском балу. Вдохновенным воплощением достоинства веяло от этой женщины. И в то же время Борисова непридуманно вошла в атмосферу ажурной мелодичной театральности, присущей искусству вахтанговцев.

Слово найдено! Вдохновенное достоинство любви — ее пожизненная артистическая тема.

Она возникла уже в далеком 1955-м, когда ворвалась в мир столичной сцены ее Анися, героиня спектакля «На золотом дне» по Мамину-Сибиряку. Страсть, резкость молодости, одухотворенная, напроць лишенная малейших признаков стандартности красота. Поразило особое сияние ее глаз — ряд молнии, искры любви, то гнев, то печаль. Переливчатая гибкая пластика, непрекращающаяся вибрация чувств...

Потом эти внутренние опоры характера максималистски выявились в одном из лучших ее созданий, в Настасье Филипповне в фильме выдающегося режиссера Ивана Пырьева «Идиот» по Федору Михайловичу Достоевскому.

Познавшая бездонную глубину страданий и унижений ее Настасья Филипповна работала в себе бескомпромиссную духовную стойкость. Она не мстила миру и людям, что довольно часто играют, она защищала свое достоинство от всех, кто хотел к ней приблизиться. Как винжал, врезалась она в хаотический

Кульминация. — 1994. — 80 стр. — С. 1

Образы любви

мир эгоизма и корысти. Незабываемая ее сцена с Ганечкой Иволгиным, сцена сожжения денег. Выдержишь — ты человек, говорили ее глаза. Нет — твоя судьба!

Образы любви. Разнообразие их бесконечно. В исполнении Борисовой они могли бы составить поэтичнейшую энциклопедию, где, скажем, на букву «В» ее Валька из спектакля «Иркутская история», а рядом, по контрасту, героиня «Варшавской мелодии» Гелена, о несравненном польском шарме которой писали польские газеты. В обоих спектаклях ее партнером был Михаил Ульянов. Их дуэт — образец совершенного сценического унисона.

Под влиянием любимого легкомысленное существо изпод Иркутска Валька выросла в человека с богатейшей внутренней жизнью. Гелена, напротив, поднимала любимого до себя. Актриса демонстрировала потрясающее знание мельчайших нюансов поведения столь непохожих героинь. Ее сценической кантилене был свойствен моцартианский полет.

И жалок был тот герой, тот мужчина, который не разглядел, не почувствовал в ее героинях свет божественного. По ходу действия он бывал жестоко наказан. В запоздалый миг своей судьбы он понимал несостоявшееся, чувствовал, может быть, самое страшное — необратимость жизни. Но в этот миг зрительный зал ему не сочувствовал!

...Я шел за ней, не смея приблизиться, чтобы ненароком не нарушить ее уединения. И вспоминал, и вспоминал ее женщин. Лику Мизинову из «Насмешливого моего счастья», которую не разглядел сам Чехов, Клеопатру из «Антония и Клеопатры» и, конечно же, задающую свои загадки принцессу Турандот из сказки Гоцци — идеал недоступности, насмешки и прелести.

О чем думала она в подступивших поздних сумерках? Может быть, о знаменитой английской актрисе Стелле Патрик-Кемпбелл в эпистолярной драме «Милый лжец», которую мне предстояло еще увидеть в новом вахтанговском сезоне, о мудрости любви и неуловимой иронии, что свойственна ее сестре по судьбе, по профессии? А, может быть, совсем о другом — кто знает?

Александр СВОБОДИН.

Фото Матвея Чернова.